

Что тут долго разговаривать? Классик перед нами — это факт. Раньше говорили «классик советской песни», теперь — как? Российской? Попсовой? Не суть. Суть в том, что — классик. Чем классик от прочих отличается? Солидностью? Премиями-реалиями-званиями? Ерунда! Ответ прост, как линейки, по которым композиторы ноты пишут: их песни становятся как бы частью нашей жизни, мы не просто любим эти песни — мы с ними живем. Как говорят журналисты, любящие патику: на них вырастают поколения. Это звучит банально, но от этого не становится менее справедливым... И еще. Юрий Антонов — а речь именно о нем — о личной жизни своей, кажется, почти никогда не рассказывает. Ну разве же не интересно узнать, что думает о любви «певец любви — певец печали»? Да еще классик? Да еще поруганный-переруганный, но народом любимый и почитаемый?

Лариса УСОВА, Андрей МАКСИМОВ, ведущие рубрики «Коллекция любви».

фото Сергея Жабина

Юрий Антонов:

Собеседник - 1996 - № 42 - с. 23

Любовники у меня было больше, чем жен

— В одной из ваших песен, если мы ничего не путаем, есть такие слова: «Ах, любовь, ты любовь — золотая лестница — золотая лестница — без перил...» Симпатичный образ. Хотелось бы понять, насколько он биографичен. Вот в вашей жизни любовь тоже была (а может, и остается) эдакой золотой лестницей, с которой можно упасть в любой момент?

— В моей жизни женщины всегда играли огромную роль. Я таким созданным: мне женщины интересны. Они приносили мне и радость и печаль, причем я никогда не взвешивал, чего больше — весов таких не найти, любые наврут и покажут неточно. Но женщин в моей жизни было немало...

— Вы предпочитали официально оформлять с ними отношения или...

— Разумеется, у меня любовниц было больше, чем жен. Я же не шах Ирана, у которого может быть триста жен...

— А в данный момент вы женаты?

— Нет, я в свободном поиске нахожусь, как подводная лодка.

— А дети у вас есть?

— Конечно. Как и у всякого нормального человека...

— Что же такое есть в женщинах, что не дает вам жить с ними вместе? Живете, живете, а потом вдруг — раз! — и расстаетесь. Причем — всегда. Отчего бы это?

— У меня очень тяжелый характер, и много расставаний случалось по моей вине. Хотя бывало, что наткнулся на такое острое, такие полу-

чал раны, что даже работать не мог.

— Это что ж получается: любовь мешает творчеству?

— Любовь тоже бывает разная, когда спокойная, тихая, без всяких там страстей — тогда помогает.

— Секундочку, это уж совсем непонятно: разве любовь бывает без страстей?

— А как же! Во всяком случае, у меня. Может, у кого и не бывает. А у меня — пожалуйста. И вот в этом состоянии я писал песни.

— А вообще у вас бывают творческие кризисы?

— Нет. А зачем? Энергетический кризис — это я еще понимаю, а творческий — то зачем?

— Вы влюбчивый человек?

— Скорее — осторожный. Да, я очень осторожный человек...

Я был несмышленный, молодой... А ей понравился мальчик постарше, известный в нашем городе велосипедист.

— Поскольку мы уже называли вас классиком, не будем скрывать, что вы прожили некоторую жизнь...

— Пятьдесят два года...

— Пятьдесят два года... Не женаты... Огромный опыт расставаний... И вот вы встречаете девушку, женщину — вас не охватывает отчаяние: вот начнется опять роман, но все равно все закончится плохо, очередным расставанием?

Вы могли бы отдать ей свою песню?

— Нет. Здесь, конечно, во мне побеждает профессионал.

— Вы можете отменить концерт, чтобы пойти на свидание к любимой девушке?

— Никогда в жизни. Исключено. Зачем так делать, что это за героизм такой? С девушкой можно и на утро договориться.

— Логично... Вы уже давно весьма популярный человек. У вас не бывает ощущения, что девушка полюбила не вас, а вашу популярность, известность и ваши песни, наконец, которые, конечно, часть вас, но ведь только — часть?

— Думаю, практически такого не было никогда. Может быть, при первом знакомстве это и играет какую-то роль, но потом взаимоотношения продолжают и все это уходит на задний план. Остаются два человека: она и я.

— А вообще у вас есть какие-нибудь комплексы или вы абсолютно уверенный в себе человек?

— Вообще я человек в себе уверенный, но комплексы конечно же есть, как у каждого... Скажем, хотелось бы выглядеть немножко постройнее.

— Женщины когда-нибудь вам говорили «нет»?

— Конечно. А почему они всегда должны говорить «да»?

— И вы переживаете?

— Переживаю. Один день. Иногда полдня.

— Примем условно ваш день за 100 процентов. Сколько из них уходит на работу, сколько на отдых и любовь?

— Я думаю, 60 процентов — работа, остальное — отдых и любовь, что, как вы понимаете, часто совмещается.

— Ваши взгляды на любовь в общих чертах понятны... Теперь давайте будем выяснять, кто влиял на формирование этих взглядов. Вопрос тем более интересный, что мы говорим не просто с композитором, а с певцом любви... Начнем с родителей — они вели с вами беседы о любви, о взаимоотношениях мужчины и женщины?

— Да вы что! Никогда! Отец у меня был военный, мама — домашняя хозяйка. У меня было достаточно пуританское воспитание. Вы учтите еще, что происходило оно все-таки в 50-е годы — тогда, по-моему, такие разговоры вообще никто не вел.

— Тогда кто вас учил этому великому чувству, признавайтесь. Книжки? Фильмы?

— Книжки в какой-то мере. И фильмы. Я помню, какое огромное впечатление произвел на меня фильм «Серенада солнечной долины». Правда, не только тем, что он был про любовь, но и своей фан-

лосипедист. Я об этом узнал, а она потом стала ко мне возвращаться... В общем, как-то все расстроилось. Я детали, собственно, позабыл уже — все-таки тридцать шесть лет назад дело происходило...

— Есть ли для вас певцы любви в западной эстраде и в нашей?

— Хулио Иглесиас — безусловно, номер один, абсолютный лидер в этом направлении... В нашей тоже есть, правда, немного, но фамилии их я называть не буду.

— Спрашивать вас о том, какая «любовная музыка» вам более всего нравится — вы запросто можете отослать нас к любому своему диску. Но историю о любви вы уж, будьте любезны, расскажите.

— Историй было много... Ну вот, например, такая. Это случилось несколько лет назад, еще в советское время, когда в Москве проходили кинофестивали, и это было действительно событие. Основная тусовка проходила в гостинице «Россия», а у меня был там блат, и официанты держали мне столик. И вот как-то в начале фестиваля приходим мы с приятелем в «Россию» пообедать, и вдруг подходит к нам молодой человек такой, я бы сказал, «южноамериканской наружности» и говорит мне на ломаном русском языке: «Здравствуйте, я — студент ВГИКа. С вами очень хо-

чет познакомиться одна девушка, мексиканская киноактриса». Я смотрю — у них там за столом сидит человек десять, и отвечаю ему: «Может быть, это и не совсем ловко, но, если возможно, пусть она подойдет к нам...» Она согласилась, подошла, села и смотрит на меня влюбленными глазами. Я ничего не понимаю: что происходит? А девушка симпатичная, кудрявая такая, смуглая. Мы познакомились. Она ни слова ни по-русски, ни по-английски... И тем не менее хоть фестиваль и длился две недели, она на него больше не пришла ни разу. Мы с ней прекрасно общались языком жестов. Это была настоящая love story. Ходили по Москве — благо стояла прекрасная летняя погода. Заходили в рестораны — она впервые тогда попробовала красную икру, и блюду это ей до такой степени понравилось, что она все время просила заказать. Я спрашивал: «Может, лучше черную? Все-

Отменить концерт ради свидания с девушкой? Никогда в жизни!

таки дороже...» — «Нет, только красную». Я стал у нее узнавать, чего вдруг она ко мне подошла и как вообще все получилось. Выяснилось, что она не знала ни моих песен, ни вообще того, кто я такой. Просто зашел в ресторан парень, который ей понравился, и этого было достаточно для знакомства. Потом была долгая переписка, мне пришла масса приглашений из Мексики, но в то время выехать из СССР было довольно трудно. Но воспоминание об этих двух неделях любви у меня теперь — на всю жизнь.

Каждую субботу в 22.15 на волнах «Эхо Москвы» слушайте программу обозревателя «Собеседника» Андрея Максимова «Диалоги о любви» — знаменитости о самом сокровенном.